

катафрактариями. Пики, хотя и были известны, играли меньшую роль. Нет упоминаний о конских доспехах. Вооружение в целом было более легким. Это могло вызываться не только особенностями природных условий, но и специфическими причинами: на Дальнем Востоке никогда и в помине не было тяжелой пехоты, по своим боевым качествам приближавшейся к греческой или римской.

Разумеется, потребности борьбы с пехотой противника были не единственной причиной, вызвавшей появление тяжеловооруженной конницы. Сам ход военного и исторического развития, непрерывные войны и столкновения вызывали у кочевников евразийских степей, наряду с издревле присущей им легковооруженной конницей, потребность в контингентах, вооруженных оборонительными доспехами и наступательным оружием ближнего боя, способных атаковать и побеждать противника в рукопашной схватке. Там, где эта общая тенденция превращалась в необходимость из-за того, что противник имел сильную пехоту, — там появлялись катафрактары. Задачу облегчала близость культуры кочевников, их постоянные контакты и перемещения, тесные связи с земледельческими областями Средней Азии и Ирана. В результате с любой новинкой военного искусства могли познакомиться и перенять ее на очень обширной территории.

В Иране тяжеловооруженная кавалерия оставалась главной силой войска и в сасанидское время. В сасанидском войске тяжеловооруженных всадников было гораздо больше, чем в парфянской. Они вербовались из «свободных», экономическое положение которых было различным. Часть их находилась в феодальной зависимости от представителей высшей знати, часть была мелкими землевладельцами, другие — свободными крестьянами⁵³. Роль легкой кавалерии относительно уменьшилась. Значение пехоты было весьма невелико. «Пехотинцы...», — пишет Аммиан Марцеллин (XXIII, 6,83), — несут службу обозных. Вся их масса следует за конницей, как бы обреченная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками». Регулярного войска в сасанидской армии не было, за исключением царской стражи. И в этом отношении продолжалась старая парфянская традиция. Военная реформа была проведена только в царствование Хосрова I Аноширвана (531—579 гг.), когда впервые было создано регулярное войско, состоящее из тяжелой кавалерии, получавшей от царя жалованье⁵⁴.

Тяжеловооруженная конница катафрактариев оказала большое влияние на военное искусство римлян и даже на состав их войска. Для борьбы с нею вырабатываются специальные тактические приемы (Агг., Tact. 4, 7; 11, 1). Но этого оказывается недостаточно. В римской императорской армии постоянно растет удельный вес кавалерии, в том числе и тяжеловооруженной. Особенно активен этот процесс во II—III вв. н. э.⁵⁵ Первоначально конные формирования в римской армии рекрутировались из варваров или жителей восточных провинций Империи. Достаточно вспомнить сирийских сагиттариев. Но уже во II в. появляются конные подразделения, хотя и состоящие из романизованных жителей, но сражающиеся на варварский манер и варварским оружием. В качестве примера можно привести ala Ulpia contaricorum civium Romanorum, вооруженную длинными копьями и применявшую в борьбе с квадами сарматскую тактику (Агг., Tact. 4,4). В состав римской армии входят и катафрактары. Известна, например, ala I Gallorum et Pannoniorum catafractata (CIL, XI, 5632). Два набора катафракты лошади, вероятно, принадлежавшие Cohors XX Palmyrenorum, были найдены в Дуре-Эвропос⁵⁶.

Роль катафрактариев в римской армии еще более возросла в III—IV вв. н. э. Для борьбы с кавалерией персов, сарматов и других народов Галлиен провел реформу армии, соединив различные конные формирования под одним командованием. Даль-

⁵³ М. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 290.

⁵⁴ Там же, стр. 312.

⁵⁵ Первые катафрактары появляются в римской армии во времена Александра Севера — P. Couissin, Les armes romaines, P., 1926, стр. 513 сл.

⁵⁶ The Excavations at Dura-Europos, Preliminary Report, New Haven, VI, стр. 440 и сл.

нейшие изменения происходят при Аврелиане, при котором численность катафрактариев в римской армии значительно увеличивается. Галерий окружал себя сарматскими катафрактариями и опирался на них во время своего персидского похода⁵⁷. В IV в. н. э. Вегетий, оплакивающий упадок легионарной пехоты, отмечает (I, 20) увеличившееся значение катафрактариев и улучшение их вооружения, хотя и относится к этому с некоторым предубеждением. Доспехи для римских клибанариев изготовлялись на специальных фабриках в Антиохии, Кесарии, Никомедии и других местах⁵⁸.

Катафрактарии продолжали существовать в период раннего средневековья. Тяжеловооруженная конница — прямая наследница катафрактариев парфяно-сарматского времени — имелась, помимо сасанидского Ирана,¹ в Византии и была перенята у сасанидов арабами⁵⁹. В евразийских степях она доживает, по крайней мере, до VI в. н. э., когда появление стремя, жесткого седла и сабли повело к новой реформе кавалерии. С. П. Толстов высказал предположение, что средневековая рыцарская конница Западной Европы генетически также восходит к катафрактариям⁶⁰. Такое предположение заслуживает внимания, однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

А. М. Хазанов

CATAPHRACTARII IN THE HISTORY OF THE ART OF WAR

by A. M. Khazanov

By cataphractarii is meant a definite, chronologically limited formation of heavy armed cavalry which charged the enemy in a definite battle order (very close formation) and with a definite tactical purpose. The distinguishing features of the cataphractarii are a specific type of armament, consisting of metal body armour, the pike as the main weapon of attack, and horse armour, and specific methods of conducting military actions.

Chief among the many reasons for the appearance of cataphractarii in the Orient were the exigencies of battle against heavy-armed Greek and Roman infantry, the gradual increase of the relative importance of heavy cavalry during the second half of the first millennium B. C., and the close cultural and ethnic ties between the nomads of the Eurasian steppes and the population of the agricultural regions of Central Asia and Iran, who proved to be particularly excellent in warfare.

It is useless to look for the actual homeland of the cataphractarii, if by this is meant one restricted locality. Their development and institution took place over a wide territory wherever similar causes operated.

⁵⁷ Ростовцев, *Античная декоративная живопись...*, стр. 333.

⁵⁸ *Not. dign.*, or. XI, 22; or. XI, 26; or. XI, 28; or. XI, 33.

⁵⁹ К. А. Иностранцев, *Сасанидские этюды*, СПб., 1909, стр. 41—81.

⁶⁰ Толстов, *ук. соч.*, стр. 227.

НОВОЕ О ГЕНРИХЕ ШЛИМАНЕ

Интерес к известному археологу — первооткрывателю Гомеровой Трои — Генриху Шлиману в нашей стране весьма велик. Только в последние годы изданы две книги о нем на русском языке¹. Но некоторые и весьма существенные моменты биографии археолога остались невыясненными по-прежнему. Один из них — попытка Шлимана вернуться в Россию в 1882—1883 гг. и отказ ему в праве въезда.

¹ Г. Штоль, Шлиман, М., «Молодая гвардия», 1965, серия «Жизнь замечательных людей», 431 стр. (перевод с немецкого: G. Stoll, *Der Traum von Troja*, В., 1957, 522 стр.); М. Л. Мейерович, Шлиман, 2-е изд., М., «Детская литература», 1966, 191 стр.

Известно, что Генрих Шлиман только на склоне лет занялся археологией. Долгие годы сын анкерсхагенского пастора был коммерсантом сначала в Голландии, а с 1846 г. в России. В этом году торговый агент фирмы «Шредер и К^о» Генрих Шлиман оказался по делам фирмы в Петербурге. Год спустя он принял российское подданство², а в 1852 г. женился на племяннице московского купца Живаго Екатерине Лыжиной³. Когда торговые операции принесли ему значительное, едва ли не миллионное, состояние, Шлиман ликвидирует дела. В 1864 г. богатый коммерсант «на покое» отправляется в путешествие по Европе и Азии. Вряд ли он задумывается в это время о серьезных занятиях археологией. Правда, позднее он сочинил красивую легенду о том, что еще в детстве решил непременно найти Трою Гомера, но большинство исследователей жизни и трудов Шлимана не признают достоверности легенды и обоснованно не считают путь археолога predetermined с детства⁴.

Шлиман путешествует один. Жена его, Е. Шлиман, и трое детей остались в России. Эти факты из жизни археолога известны с достаточной полнотой. Но вот в конце 1882 — начале 1883 г. Шлиман, археолог с мировым уже именем, намеревается вернуться в Россию с мыслью о раскопках в древней Колхиде⁵. Немалые расходы по раскопкам он предлагал взять на себя, а весь будущий материал их обещал безвозмездно передать Эрмитажу⁶.

С ходатайством о разрешении вести раскопки археолог обратился через своего оставшегося в России сына Сергея к члену императорской археологической комиссии И. В. Помяловскому. Его просьба была поддержана председателем археологической комиссии И. А. Васильчиковым, который в своем рапорте на имя министра двора графа И. И. Воронцова-Дашкова обратил внимание последнего на заманчивость предложения археолога (там же). Однако в рапорте И. А. Васильчикова министру содержится глухое упоминание о причинах «политического и гражданского свойства», решительно препятствовавших возвращению Шлимана в Россию без «высочайшего на то разрешения и всемилостивейшего помилования» (там же).

В Россию Шлиман так и не попал. Фраза Васильчикова не могла не привлечь самого пристального внимания исследователей. О. И. Бич, опубликовавшая переписку о попытке Шлимана вернуться в Россию, предположила, что «причины» эти кроются в каких-то, видимо, не очень законных торговых операциях, а сам отъезд Шлимана в 1864 г. был попросту высылкой⁷. Однако это предположение кажется недостаточно обоснованным. Документы, хранящиеся в ЦГИАЛ по фонду Департамента Герольдии Правительствующего сената и по фонду Комитета министров, позволяют установить, что Санкт-Петербургский первой гильдии купец и член коммерческого суда Генрих Шлиман получает в конце 1863 г. разрешение на четырехмесячный заграничный отпуск по торговым делам у министра юстиции⁸. Он неторопливо ликвидирует свои торговые дела в России, не без выгоды завершив их. И за несколько дней до отъезда подучает титул потомственного почетного гражданина Петербурга⁹, наконец, на прошение Шлимана

² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее — ЦГИАЛ), ф. 1343 (Департамент герольдии Правительствующего сената), 1864 г., оп. 39, ед. хр. 5560 («О присвоении Санкт-Петербургскому первой гильдии купцу Генриху Шлиману с семьей его потомственного почетного гражданства»), л. 2. В этом же документе имеется петербургский адрес Шлимана: «Жительство имею Васильевской части, 2-го квартала, по 1-й линии в доме под номером 30» (л. 1 об.).

³ Н. Schliemann, *Abenteuer meines Lebens*, Lpz, 1957, стр. 151.

⁴ М. Л. Мейерович, Шлиман, М.—Л., 1938, стр. 18.

⁵ В. П. Бузескул, Шлиман. Статья в Энциклопедическом словаре изд-ва Брокгауз и Ефрон, т. XXXIX, СПб., 1903, стр. 704, ср. В. П. Бузескул, Открытия XIX — начала XX века в области древнего мира, ч. II, Пг., 1924, стр. 53.

⁶ Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (далее — ЛОИА), ф. 1, ед. хр. 2, л. 2; ср. О. И. Бич, Новые материалы о Генрихе Шлимане, ВДИ, 1947, № 2, стр. 183—185.

⁷ ВДИ, 1947, № 2, стр. 183.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1263 (Комитет министров), 1863 г., оп. 1, ед. хр. 3047 (Журналы Комитета), л. 614—614 об.

⁹ Там же, ф. 1343, оп. 39, ед. хр. 5560, лл. 14 об., 15, 16—16 об., 17—18.

об отъезде резолюция «согласен» наложена самим императором¹⁰ по представлению министра юстиции, как и полагалось в подобных случаях.

Т. е. версия о высылке Шлимана отпадает полностью.

В чем же все-таки заключались причины, столь серьезные, что о возвращении бывшего купца первой гильдии, ставшего известным археологом, практически не могло идти и речи? Для ответа следует обратиться к некоторым сторонам жизни Шлимана за пределами России.

В автобиографии, написанной археологом в 1881 г. и в том же году изданной, рассказывается о его поездке в 1850 г. в Америку. Он пересек океан для получения наследства младшего брата, умершего в США, и пробыл там полтора года. Шлиман сообщает, что 4 июня 1850 г., в день объявления Калифорнии штатом США, он был на его территории и, как все находившиеся в этот день на завоеванной Соединенными Штатами земле, стал безо всякого с его стороны желания, чисто механически, гражданином США¹¹. Однако из дневников Шлимана явствует, что он уехал в Америку только в декабре 1850 г.,¹² т. е. мог попасть в Калифорнию спустя более полугода после того, как ее включили в число штатов. В 1852 г. Шлиман вернулся в Россию, как русский подданный совершенно беспрепятственно.

Как указывает в примечаниях к автобиографии Шлимана немецкий исследователь Штоль, американское подданство археолог получил только в 1869 г.¹³

Что за странная хронологическая ошибка в автобиографии Шлимана? Да и для чего могло понадобиться археологу подданство далекой заокеанской державы? На эти вопросы мы и постараемся ответить.

Вероятнее всего, американское подданство понадобилось Шлиману для оформления развода с женой. По законам, действовавшим в США, это не было сложно, в России же — почти невозможно. А развод Шлиману был нужен. Во всяком случае, в том же 1869 г. Шлиман, как только стал гражданином США, немедленно получил в Америке развод. Тогда же Шлиман женился на Софье Энгастроменос. Не в этом ли заключалась «причина гражданского свойства»? Ведь по законам Российской империи второй брак Шлимана не только недействителен, но и преступен. Е. Шлиман продолжала считаться женой археолога и законом Российской империи, и оставшейся в России его семьей.

Когда в 1891 г. журнал «Исторический вестник» поместил некролог археолога, где называл Софью Шлиман (Энгастроменос) второй женой покойного¹⁴, сын его Сергей настоял на опубликовании в следующем номере журнала опровержения, в котором резко протестовал: «Личность, означенная в вышеуказанной статье второй женой Шлимана, не может в действительности почитаться таковой, ибо брак ее с моим отцом совершен без формального законного развода с моей матерью, урожденной Е. Лыжиной, которая жива до сих пор и проживает в Киеве по виду, в котором значится женой (неразведенной) потомственного почетного гражданина Генриха Шлимана»¹⁵. Перед православной государственной церковью, регистрировавшей брак, и законом России Генрих Шлиман считался двоеженцем. По действовавшему в тот период законодательству двоеженство каралось «лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на срок от одного года до трех лет»¹⁶.

Таковою представляется нам первая из причин, препятствовавших возвращению Шлимана в Россию, деликатно названная Васильчиковым «причиной гражданского свойства».

¹⁰ Там же, ф. 1263, оп. 1, ед. хр. 3048 (Приложения к журналам Комитета Министров), л. 609.

¹¹ Schliemann, Abenteuer meines Lebens, стр. 57.

¹² Там же, стр. 78.

¹³ Там же, стр. 385.

¹⁴ Ф. И. Булаков, Шлиман и его археологическая деятельность, «Исторический вестник», 1891, № 2, стр. 526.

¹⁵ С. Шлиман, Биографии Шлимана, «Исторический вестник», 1891, № 3, стр. 905.

¹⁶ «Уложение о наказаниях», СПб., 1845, стр. 802, ст. 2045.

Еще более серьезной могла оказаться причина политическая. Как уже говорилось выше, для оформления развода в Америке Шлиману необходимо было стать ее гражданином. И, как мы знаем, он стал им в 1869 г. Федеральные законы на этот счет казались строгими. Они требовали от иностранца, желающего стать гражданином США, пребывания на территории Штатов сроком не менее пяти лет и объявления о намерении вступить в подданство США не менее чем за три года, отказавшись тем самым от прежнего подданства¹⁷.

Но практически все эти этапы могли не существовать. Достаточно было заявить о желании стать гражданином Штатов, например, в посольство США в той стране, где в данный момент находилось лицо, желающее сменить прежнее подданство на американское¹⁸.

Именно так, заявив об этом своем желании в посольство США в Греции, Шлиман с помощью посла Штатов в Афинах стал «американцем»¹⁹.

При натурализации иностранцев в США не требовалось свидетельств о выходе из прежнего подданства²⁰. Как утверждает Сергей Шлиман, отец его никогда формально не выходил из русского подданства²¹.

Возникает еще один вопрос. Случайна ли автобиографическая ошибка Шлимана относительно даты получения американского подданства? Вряд ли. Известно, что археолог обладал великолепной памятью, кроме того, в его распоряжении был его американский дневник, который он регулярно вел во все время путешествия. Да и вообще трудно ошибиться на 19 лет, датируя столь важное событие. Следовательно, рассказ о «случайном» подданстве США был сочинен Шлиманом от начала до конца и в автобиографию был помещен преднамеренно.²²

Утверждение Сергея Шлимана о том, что отец его формально не покидал русского подданства, а также преднамеренная ошибка археолога в автобиографии, позволяют предположить, что американское подданство Шлиман получил, не оформив выхода из русского. Но по законам Российской империи двойное подданство — политическое преступление, которое каралось «вечным из пределов государства изгнанием, а в случае самовольного потом возвращения, ссылкой в Сибирь»²².

Не это ли есть та причина «политического свойства», о которой писал Васильчиков? Невозможно разрешить въезд в Россию государственному преступнику и двоеженцу. Имя Шлимана и его биография достаточно хорошо известны, неоднократно сообщала о раскопках археолога как зарубежная, так и русская печать. В России здравствуют члены его семьи и законная жена Екатерина Шлиман. Законы требуют суда над Шлиманом... Но и суд такого рода над известным археологом невозможен по вполне известным обстоятельствам.

Видимо, вся совокупность этих причин и привела к тому, что дело о возвращении Генриха Шлимана было положено «под сукно» и письменные источники о нем, видимо, просто не существуют.

Таковыми представляются нам причины «политического и гражданского свойства», препятствовавшие возвращению археолога в Россию. Причины эти были, вероятно, известны и самому Шлиману. Ведь не случайно же он поручает вести переговоры о раскопках своему сыну, лицу совершенно в археологии не компетентному, вместо того чтобы обращаться с прошениями в соответствующие инстанции. Причины эти были достаточно ясны и Васильчикову, и графу Воронцову-Дашкову, а потому в рапорте особо не оговаривались.

О. В. Дашевская

¹⁷ В. М. Гессен, Подданство, его установление и прекращение, СПб., 1909, стр. 362.

¹⁸ Там же, стр. 367.

¹⁹ Schliemann, Abenteuer meines Lebens, стр. 385.

²⁰ Гессен, ук. соч., стр. 427.

²¹ «Исторический вестник», 1891, № 3, стр. 905.

²² «Уложение о наказаниях», стр. 151, ст. 354.

NEW MATERIAL ON HEINRICH SCHLIEMANN

by O. V. Dashevskaya

The author of this communication sheds further light on the obstacles which prevented Heinrich Schliemann from returning to Russia in 1883. Documents discovered by the author illuminate from a new angle autobiographical statements made by the archaeologist. Comparison of the sources leads to the conclusion that Schliemann's acceptance of US citizenship without having gone through the formalities necessary for his release from his obligations as a Russian subject constituted a political offence, while his second marriage, contracted without obtaining a divorce in Russia from his first wife, made him liable for the criminal offence of bigamy. The fact that the offender was an eminent archaeologist created a most awkward predicament for the tsarist administration, and Schliemann's request for permission to enter Russia was refused.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ ШЛИМАНА

«Уже в первый год моего пребывания в Петербурге счастье было столь благосклонно к моим делам, что уже в начале 1847 года я смог записаться в гильдию как оптовый торговец», — писал в автобиографии Генрих Шлиман, вспоминая о русском периоде своей жизни¹. Эта фраза, а также сведения о положении Шлимана в 1864 г. во время ликвидации его торговой фирмы и послужили, видимо, причиной появления в биографиях Шлимана утверждения о его записи в первую купеческую гильдию уже в 1847 г.²

Однако это не соответствует действительности. Приехав в 1846 году в Россию представителем крупной торговой фирмы «Шредер и К°» (Амстердам) и принявший русское подданство Генрих Шлиман был записан на основании определения петербургской казенной палаты 19 февраля 1847 г. в купеческую гильдию, но не в первую, а во вторую³. Запись об этом находится в «Книге о переменах в числе купцов Санкт-Петербургской губернии» за 1847 год; против фамилии вступающего в гильдию «Гейнриха Шлимана» стоит отметка «Присягнувший России иностранец».

Обнаруженное документальное свидетельство послужило основой для поисков, в результате которых были сделаны неожиданные находки. Следующая по времени запись об изменении в сословном положении Шлимана гласит о приписке его вновь ко второй купеческой гильдии, но на этот раз не в Петербурге, а в Нарве; запись датирована 27 ноября 1852 г.⁴ При этом указывается, что Шлиман причисляется ко второй гильдии «из мещан С. Петербурга»⁴.

К сожалению, мы не можем точно установить дату приписки Шлимана к мещанскому сословию — в сохранившихся в фондах Ленинградского государственного исторического архива книгах, где регистрировались изменения в составе петербургского купечества и мещанства в 1847—1852 гг., записи об этом нет. Отсутствует также за-

¹ H. Schliemann, Selbstbiographie, Lpz, 1939, стр. 26.

² См., например, E. Ludwig, Schliemann. Geschichte eines Goldsuchers, B., 1932, стр. 73: «...через два года после приезда Шлиман уже записан в купечество первой гильдии». См. также беллетризованную биографию Шлимана: H. Stoll, Der Traum von Troja, Lpz, 1962 (в русском переводе — Г. Столь, Шлиман, М., 1965, стр. 117) и М. Мейерович, Шлиман, М., 1966, стр. 37.

³ Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 479, Петроградская казенная палата, оп. 23, ед. хр. 211, л. 5 об.

⁴ ЛГИА, ф. 479, оп. 23, ед. хр. 218, л. 222.